Аксаков Иван Сергеевич Доктрина и органическая жизнь aksakovivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://aksakovivan.ru/ Приятного чтения!
Что бы ни говорили о современном состоянии нашего общества, сколько бы сходства ни представляло оно с гниением разлагающегося трупа, но при всем том, везде и отовсюду чутко чувствуется и слышно слышится животворное веяние свежего вольного воздуха. Новая жизненная сила отовсюду подступает и обдает нас своими волнами. Да, повеяло, потянуло новым, еще не передышанным воздухом! Но по закону, общему для мира физического и для мира нравственного, движение свежей воздушной струи ускоряет самое разложение, а потому и понятно, что в то же время сильнее распространяется зловоние газов и атмосфера наполняется вредными, удушливыми миазмами. Действительно, нравственная среда нашего общества исполнена заразительных и мертвящих испарений, но против них нет другого целения, как преизбыток того же воздуха, усилившего и ускорившего тление. Он очистит, он разредит нашу душную атмосферу, он оживит и обновит нашу смрадную и спертую храмину… Настежь же двери и окна, пусть без помех и затворов льется он к нам свободно вольными, свежими, целебными струями!

Но многие и даже очень многие, в болезненном расстройстве своего организма, утратив правду ощущений и чувств, принимают за свежие воздушные струи смрадные газы разлагающегося тела. Движение, проявляющееся в процессе гниения, признается ими за движение самой жизни! Таких не мало в нашем обществе, и в особенности на нашей литературной арене… Другие же, наболевшие сердцем и душою от тяжелых, чудовищных нравственных миазмов, в каждой чистой волне воздуха видят злокачественное испарение и в испуге, в понятном, но слепом негодовании, отворачиваются сами от благотворной врачующей силы! Третьи по природе или потому, что уже давно обжились, стерпелись и слюбились с зловонием и смрадом незамечаемого ими гниения, или же наконец потому, что свежий воздух составлен не по их ученому и выписанному от иноземных докторов рецепту, в который они безусловно верят, относятся враждебно ко всякому, даже самому легкому веянию этого свежего воздуха. И таких не мало! К ним, между прочим, принадлежат люди солидные и высокочиновные, разумеется не в буквальном смысле, – люди, причисляющие себя самодовольно к сословию жреческому, к высшей иерархии ума и знания. Им вольный воздух противен.

Впрочем, нельзя не признать: свежий воздух редок и резок, и как бы мы ни желали его отрадного веяния, едва ли кто из нас может самонадеянно похвалиться такою здоровою грудью, что не почувствует он ни раздражения, ни перхоты, не закашляет, вдохнув в себя его первую, новую струю. Такое болезненное состояние бывает, впрочем, вообще непродолжительно. Но продолжительнее будет оно, и едва ли не суждено ему обратиться в состояние хроническое у большей части наших утопистов и доктринеров. Не тем сказывается им наша русская жизнь, которой пробуждения они ждали и чаяли, чем являлась им она в области их отвлеченных дум и мечтаний, не по той дороге идет, которую они ей услужливо предлагали, растет не в меру заранее измеренного ими роста, сильна такой силой, с какой им и не сладить, ставит вопросы, которых и не предполагала их теория. И неловко, и странно их отношение к новому движению жизни, к действительному подъему народного духа.

Но что будет с теми из нашего общества, которым свежий воздух враждебен, что должны испытать они, когда пахнет на них своими широкими крыльями пробудившаяся могучая жизнь? О, сколько острой простуды, сколько нравственных опухолей, флюсов и ревматизмов, не говоря уже о головоломных мигренях, угрожает этим важным преждевременным старцам! В самом деле: они привыкли видеть стройность и красоту только в прямых и однообразных линиях и в механическом, рассчитанном сцеплении колес и пружин; они не способны понять красоты и смысла волнующихся линий, и сама жизнь, с ее ускользающими от всякого расчета, недоведомыми силами, жизнь и все живое понимается ими как беспорядок! И вдруг весь строй их умственной деятельности нарушен и потревожен. Смеясь над теми, кто в движении атмосферы с радостью отыскивает свежие струи целебного воздуха, бранясь и негодуя, они стараются уйти от опасной для них силы, взбираются на чиновничьи кресла, на высокие подмостки кафедр, укутываются плотнее в старые изношенные и полинявшие шубы, герметически закупориваются в «храме наук» или в стенах какого-нибудь казенного здания.

Да, в наше время проявляется воочию ход истории, слышится трепет новых пробудившихся жизненных сил! Эти силы, еще не стройные, не сложившиеся, нередко безобразные, волнуются и мятутся, требуют и не находят ни правильного исхода, ни нормы для своего проявления. Как река в своем стремлении, обогащенная притоком новых вод, сворачивает со дна неподвижные камни, несет с чистой влагой песок и мусор, рвет плотины, ищет себе нового вместилища и русла – так пытливая и кипучая эта жизнь инстинктивно чует ложь во многом, что выдавалось ей доселе за непреложную истину, и с дерзкой самонадеянной безразборчивостью отрицая сплошь все принятые установившиеся определения, разбивает шаткие подножия старых

кумиров и смутно ищет истины, пред которою могла бы и должна была бы смириться. Ей нужно бы услышать путеводное слово, нужно бы принять в себя благотворную, зиждительную силу сознательной мысли, прогреться лучами истинного знания и живой науки, которые бы отделили в ней ложь от правды и добро от зла, и дали бы ответ на ее новые, жизненные, исторические запросы… А между тем, с холодных высот ученых кафедр, раздается отрицание самой жизни, ее смысла, значения и прав! Наука, или та совершенная и замкнутая, со всех сторон отшлифованная и отделанная теория, которая выдает себя за науку, возвещает нам, что в мире нет ничего кроме мертвого государственного механизма, что все совершается и должно совершаться от власти и посредством власти, в какой бы форме она ни проявилась, лишь бы носила она на себе печать внешней законности, что наконец сама жизнь, следовательно и жизнь духа, есть одно из отправлений или функций государственного организма. С точки зрения такой несчастной доктрины нет места, вне порядка государственности, никакому свободному творчеству народного духа. Начало внешнее, начало принудительное (в монархической ли, или республиканской форме, для нас это все равно: оно остается тем же принудительным внешним началом), начало правды формальной и условной ставится выше начала внутренней свободы, правды и совести. Все живет и движется и обязано двигаться по однажды заведенному и математически рассчитанному механизму. Самонадеянно и близоруко пытается эта доктрина определить вес, плотность и емкость человеческого духа и органической силы жизни, и отмерить только такое количество, какое, по ее неизбежно ограниченным соображениям, нужно для правильного хода государственной машины.

Мы остановились на этом учении потому, что вопрос об отношении государства к народу и к обществу есть один из самых серьезных вопросов нашего времени, и потому еще, что слово этой доктрины раздается вновь между нами.

Эта доктрина, мешая и путая все понятия, сама в себе носит, по нашему мнению, признаки бесплодия и смерти. Проповедники смешивают внешнее с внутренним, форму с содержанием, норму с живою самостоятельною силою, кору с сердцевиной. Мы считаем не лишним привести здесь кстати найденную нами в бумагах К. С. Аксакова следующую заметку, по поводу вопроса о государственности: «Беда, если дерево обратится в кору, если кора, увеличивая объем ствола, станет беспрестанно поглощать жизненные соки дерева и мертвить сердцевину. Петр обратил преимущественное внимание на кору, на наружность, но не в том сила, крепка ли кора, а в том сила, здорова ли сердцевина». В самом деле, там, где начало государственности вышло бы за свои пределы, мало-помалу иссякла бы всякая животворная сила. Государство, конечно, необходимо, но не следует верить в него, как в единственную цель и полнейшую норму человечества. Общественный и личный идеал человечества стоит выше всякого совершеннейшего государства, точно так, как совесть и внутренняя правда стоят выше закона и правды внешней. Идеал может быть и недостижим, как и вообще недостижимо человеческое совершенство, но он должен постоянно предноситься пред человеком и побуждать его вперед к достижению и осуществлению. Но то, что является как несовершенство, как неизбежное зло, хотя бы и предложенное в наименее тягостной внешней форме, «наука» с кафедры выдает нам за высшую степень человеческого развития, возводит в апофеоз вечной безусловной истины!..

Нам говорят, что для юриста повиновение закону (безразлично, хорошему и дурному) есть такая же аксиома, как дважды два четыре для математика. Но повиновение закону, как житейская аксиома, по нашему мнению, вовсе не входит в круг ученых соображений юриста, ни в круг «истин науки – права». Для юриста, напротив того, важно свободное отношение жизни к закону, его исполнимость или неисполнимость, его соответствие или несоответствие с временным уровнем общественной нравственности, его содержание, а не сигнатура. Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, неподверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое «право» не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и к идее высшей нравственной справедливости. – Читатели, конечно, не выведут из наших слов заключения, что мы проповедуем неуважение к закону или «анархию». Повиновение законам, без сомнения, желательно, но юрист не есть официальный блюститель благочиния, надзирающий за непременным практическим исполнением законов со стороны общества; он относится к ним критически, он не проповедует неповиновения, но отмечает его и принимает в соображение, как поучительный совершившийся факт. Впрочем, мы должны признаться, надо было бы иметь много отвлеченности в своем развитии, чтобы и на практике, в жизни, приводить в исполнение или требовать безусловного исполнения всякого закона, противоречащего совести и нравственным человеческим требованиям… если бы можно

предположить существование такого закона.

Вообще чрезвычайно опасно регламентировать извне какое бы то ни было живое начало. Есть явления, которые стоит только подчинить «уставу», чтоб подорвать в них всякую жизнь и силу. Так, например, мы слышали, что даже и для наших артелей, этих самородных, подвижных, свободных промышленных общин, кто-то сочинил регламент и представил его правительству. Эта попытка, вероятно, останется без исполнения; ибо несомненно, что вмешательство государственного начала, в настоящем случае, убило бы нравственное значение и силу наших артелей.

Но довольно. Многое можно было бы сказать здесь о «чувстве легальности», в недостатке которого упрекают наш русский народ, об отношениях науки права к русской народной жизни и т. д., но мы отлагаем это до другого раза. Мы хотели только, с одной стороны, заявить здесь наше несогласие с провозглашенной теорией, безразлично требующей духовного поклонения всякой сигнатуре закона, без внимания к его содержанию, и духовно рабствующей пред внешним условным, принудительным началом; а с другой, указать на это мертвенное отношение так называемой науки к пробуждающимся требованиям современной, не только русской, но даже и европейской жизни, этот ответ ее, холодный и гордый, на ее тревожные запросы. Разумеется, эта печальная доктрина выросла не на нашей почве, она заемная; но тем не менее достойны сожаления те, которые приняли ее в душу и принесли ей в жертву свое трудолюбие и таланты.

Но как бы ни продолжали закупориваться от свежего воздуха, веющего от жизни, пробудившейся в русском народе, свежий воздух возьмет свое и выветрит залежалые, затхлые, отвлеченные доктрины. Остается надеяться, что те из наших «жрецов науки», которые уже умиротворились и успокоились в своем жреческом звании, высвободят наконец сами науку на вольный Божий свет, пустят свежий, вольный воздух в свой душный и тесный храм, растворят настежь окна и двери, раздвинут, если нужно, и самые стены храма, и поймут: что только освободясь от всякого духовного и умственного рабства пред последним словом науки вообще и западной науки в особенности, только признав за русской народностью право на самостоятельную духовную и умственную деятельность, только проповедью духовной свободы, живого знания и любвеобильной мысли будут они в состоянии направить к плодотворной работе молодые русские силы…

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://aksakovivan.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!